

Михаил Салтыков-Щедрин

Испорченные дети

Михаил Евграфович Салтыков-Щедрин

Испорченные дети

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=319512

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

27

Михаил Евграфович Салтыков-Щедрин Испорченные дети

*Предисловие, объясняющее происхождение
одного литературного общества*

Вдова действительного статского советника и кавалера, Катерина Павловна Младо-Сморчковская, рожденная княжна Пустодомова, имела четверых сыновей-погодков: Гришу, Сережу, Ваню и Пашу. Всех их она, разумеется, предназначала для самой блестящей будущности. Она была бы, например, очень рада, если б хоть один из них вышел чем-нибудь вроде Суворова, и надо сказать правду, что маленький Ваня до некоторой степени даже оправдывал материнские мечты. Он не любил никакой игры, кроме игры в солдатики, отвращался от всяких игрушек, кроме оловянных кавалеристов и пехотинцев, терпеть не мог никакой мелодии, кроме мелодии барабана; наконец, ел и пил всякую дрянь. Однажды, засмотревшись на маленького Ваню, как он маршировал и какие трудные переходы заставлял делать своих оловянных одноклассников, Катерина Павловна до того забылась, что воскликнула: «Иди! спасай царей!» [1](Комментарии смотри в

конце рассказа) Конечно, она сама сейчас же опомнилась и порядком-таки струхнула, но, к счастью, в то время никого, кроме Вани, в комнате не было, и происшествие это осталось без последствий. Но, с другой стороны, она понимала и то, что Суворов был всего на все один и что, следовательно, четверым одну вакансию занять никак нельзя. Поэтому она была не прочь удовольствоваться для других сыновей и просто солидной административной карьерой, которая хотя и не поражала бы таким блеском, как карьера военная, но зато обещала бы более прочности и обеспеченности в будущем. Сказать ли правду? к административной карьере у нее даже больше лежало сердце, нежели к военной...

Чтобы понять причину этого последнего предпочтения, необходимо сказать, что покойный муж Катерины Павловны был, в начале нынешнего столетия, несколько лет сряду, губернатором в одной из самых хлебных губерний России. На этом месте он достиг всего, что только человеческому желанию доступно. В глазах начальства он славился строгостью и скоростью; глаза откупщиков ослеплял неупустительностью во взимании даней; в глазах предводителей дворянства имел то ни с чем не сравнимое качество, что держал лучшего повара в целой губернии и откармливал дома совершенно невиданных поросят. Таковы были гражданские доблести покойного. Но были, однако ж, и военные. Катерина Павловна очень хорошо помнила, как ее Иван Григорыч делал походы против бунтовщиков и недоимщиков, как он

не подвергался при этом ни малейшей опасности и как, за всем тем, из каждого похода возвращался обремененный добычею [2].

«Разграбив имущества, предав селения в жертву пламени, уничтожив пажити и надругавшись над женами и девами, они (печенег) возвращались восвояси, обремененные добычею», – вспоминалось при этом Катерине Павловне из ее далекого институтского прошлого.

– Конечно, все это прекрасно, – мысленно прибавляла она в заключение, – и слава и лавры! однако с печенегами все-таки покончили, – и где теперь их добыча! – а мой Иван Григорьич и умер-то своею смертью, да и из добычи кой-что после себя оставил!

Вообще Катерина Павловна довольно своеобразно смотрела на русскую историю. Она делила ее на два периода: первый, до убиения боярина Кучки, и второй – после убиения боярина Кучки. До убиения ей представлялся какой-то хаос, в котором мелькали хозары и печенеги, обремененные добычей, но ничего своим детям не оставившие; после убиения наступал московский период, который уже потому был ей известен, что она была уроженка Москвы и, следовательно, отлично знала и Ивана Великого, и Солянку, и Арбат. Особенных подробностей, конечно, и об этом периоде она не могла сообщить, но ей представлялось за верное, что в это время жили всё Иваны Васильичи да Васильи Иванычи, которые отличались от печенегов тем, что были люди хозяй-

ственные и с добычей обращались умненько.

– Нет, лучше поскромнее, да посolidнее! – заключала она мысленно, – лучше быть каким-нибудь сереньким Васильем Ивановичем, чем знаменитостью вроде князя Дедери (так ошибочно называла она славного в летописях печенежского князя Редедю), у которого, пожалуй, и штанов не было!

И решила, что дети ее будут по малой мере градоначальниками, то есть пойдут до известной степени по стопам доблестного родителя, за исключением, пожалуй, Вани, который мог, если хотел, сделаться и Суворовым.

В исполнении этих намерений Катерине Павловне немало помогал Степан Петрович Сапиентов, рекомендованный братцем, князем Кирилою Пустодомовым, как педагог, специально посвятивший себя приготовлению государственных младенцев.

Степан Петрович был явлением довольно обыкновенным в то небогатое людьми время. Происходя из «прискорбных» и кончивши курс в духовной академии, он, при помощи ласковости и пастырского благословения, кое к кому втерся, кое около кого потерся, так что в непродолжительном времени познал даже употребление носового платка. Он уже мечтал о том, как со временем заменит собою Сперанского, но выходящие из ряда педагогические способности помешали ему сделаться государственным человеком.

Издавна замечено, что слишком большое усердие, слишком исключительная специальность скорее мешают, нежели

помогают. Для того чтобы свободно подниматься по лестнице жизни, необходимо отчасти порхать, отчасти скользить по поверхности. Порхающий человек то на один цветок сядет, то на другой – не успеешь оглянуться, а он в результате административный сот. Напротив того, человек усидчивый, обладающий чугунного поясницею, так и кажется, что заведет в трущобу. Я знал очень многих почтеннейших регистраторов, из которых каждый был бы, конечно, не прочь устроить свой собственный сот, но ни один не был к тому допущен именно потому, что слишком уж ревностно записывал исходящие и входящие бумаги. Как только начальство раз убедилось, что человек на известном месте необходим, что без него как без рук, так карьера этого человека кончена. Истинные честолюбцы знают это и потому на каждом встречающемся цветке останавливаются именно на столько времени, сколько нужно, чтоб извлечь из него необходимое в данную минуту количество меда. И таким образом, порхая, играя и летая, допархиваются и доигрываются иногда до должностей весьма приглядных.

Подобного рода неприятность случилась и с Сапиентовым. Репутация его как педагога, специально посвятившего себя приготовлению государственных младенцев, установилась так прочно, что никому даже в голову не приходила мысль о возможности видеть его в другом положении. Конечно, его, для формы, записали в какую-то комиссию, занимавшуюся разработкой «некоторых приличных нашим об-

стоятельствам конституций», но ни до одной конституции не допустили и звания государственного человека не удостоили. Зато кормили домашними обедами, награждали чинами до статского советника включительно и обещали со временем сосватать богатую купчиху. Так он и оставался, в качестве жениха предполагаемой купчихи, видя, как Сперанский мелькает перед его глазами, и горько плачась на неблагосклонность к нему фортуны. В 1812 году фортуна, казалось, улыбнулась ему. Сперанский был обвинен в пособничестве Наполеону – он нет; Сперанский был сослан в Нижний – он нет. Он каждый день ждал курьера... увы! на горизонте действительно взошла новая звезда, но не он, Сапиентов, был этой звездой, а какой-то Крестовоздвиженский или Ризположенский, одним словом, некто такой, кому он еще в семинарии неоднократно задавал вселенскую смазь.

Он покорился.

В таком положении, то есть вполне примирившимся с скромною ролью воспитателя государственных младенцев, мы застаем его в ту минуту, когда братец, князь Федор Пустодомов, познакомил с ним Катерину Павловну.

– А позвольте, сударыня, узнать, какие вы имеете виды на ваших малюток? – спросил Сапиентов, по-видимому придерживавшийся, в деле воспитания, той теории, что малютка – воск, из которого, по усмотрению, можно наделать и крепких в брани генералов, и прилежных ко взысканию недоимок администраторов.

– Откровенно вам скажу, что мне хотелось бы пустить их по штатской, – отвечала Катерина Павловна, – ну, знаете, однако ж, чтоб и рыцарские чувства... не совсем же были забыты...

– В нашем отечестве, сударыня, рыцарские чувства наипаче в чиновническом сословии пребывают. Чувства сии суть: исполнительность и неуклонное хранение вверенной тайности!

– Отец их был губернатором – ну, мне, конечно, хотелось бы, чтоб и они... ну, хоть градоначальниками! Все же, знаете, кусок хлеба... Разумеется, не сразу – сразу, я знаю, нельзя, а исподволь... Я вам должна сказать, что Гриша несколько знаком даже с формами и обрядами делопроизводства!

– Вот как-с!

– Да; мой покойник обращал на этот предмет большое внимание и говаривал, что в нем заключается истинное счастье жизни. Сережа – тот больше по части любознательности. Что-нибудь выведать, высмотреть – вот его дело. И сейчас прибежит ко мне и все перескажет: такой откровенный ребенок!

– Сударыня! если б у нас в каждой губернии было хотя по одному такому откровенному ребенку, то наше благополучие было бы несомненно! Это верно-с.

– Ну, Паша – тот больше к деньгам пристрастие имеет; считает, знаете, копит, занимает, делает разные операции... иногда даже утаивает...

– Может, стало быть, по финансовой части быть деятелем. Но вы пропустили, сударыня, третьего вашего малютку...

– Ах, об Ване, право, не знаю, что и сказать вам. Он больше все с барабаном! Да вот еще на днях выдумал в трубу трубить!

– Что же-с! И по этой части слуги нужны. В садах государственной службы не один мирт произрастает, но и лавр!

– Так-то так, мой почтеннейший Степан Петрович, да все как-то страшно за него. Мирты-то, знаете, прочнее, солиднее. Как в кармане-то густо, так и на свет смотреть как будто веселее. А с этими лаврами и свое как раз спустишь!

– Бывали, однако, сударыня, и иные указания в истории. Сципион Азиатский, например, не только своего не расточил, но даже весьма приумножил!

– Ну, да, конечно, кабы командиром... вот тоже по провиантской части хорошие места бывают... а все же, знаете, по штатской как-то солиднее!

– Что же-с! постараемся в один веночек вплести и лавр и мирт. Как говорит поэт:

И лавр, обнявшись с повиликой... -

Стало быть, это дело возможное-с.

На этом конференция и кончилась.

Не имея в предмете излагать здесь полную систему воспитания государственных младенцев, изобретенную Сапиенто-

вым, я остановлюсь только на той из ее подробностей, которая имеет непосредственное отношение к помещаемым ниже рассказам. Поставив себе задачей возбудить в своих питомцах охоту к мышлению, Степан Петрович непрерывно упражнял их в сочинениях на разные темы. Само собой разумеется, что темы брались преимущественно из сферы административной, к которой, собственно, и приготавливались молодые люди. «Надобно их постепенно соблазнять», – говорил Сапиентов и шел к своей цели неукоснительно, то есть переходя от легчайших понятий и предметов к труднейшим. Так, на первый раз он задал сочинение на тему: «что такое канцелярская тайна?» И когда этот вопрос был разрешен, то приступлено было к разрешению вопроса последующего: «почему канцелярская тайна необходима?» Потом он задал сочинение на тему о «благосклонности вообще и административной в особенности»; потом: «о спасительной строгости и благомилостивом прощении». Когда же, по его мнению, был удовлетворительно пройден весь цикл административных воздействий, тогда он решил в своем уме, что настало время увенчать здание. «Дети, – сказал он себе, – приобрели весь необходимый материал, который был нужен, чтоб составить отчетливую идею о том, что такое администратор вообще. Попробуем теперь, в какой степени они соблазнены!»

Остановившись на этой мысли, он задал двоим старшим питомцам сочинение на тему: «Добрый служака», а для двоих младших выбрал тему полегче: «Добрый патриот». При-

чину, по которой он почитал эту последнюю тему более легкой, он объяснил Катерине Павловне следующим образом.

— Сударыня! — говорил он, — чтобы написать хорошее сочинение на тему «Добрый служака», надо до известной степени обладать административной практикой, которой ваши младшие птенчики еще не имеют. Между тем упражнение на тему «Добрый патриот» ничего не требует, кроме возвышенных чувств. Поэтому и позволяю себе думать, что в этом случае малолетство автора не только не должно почитаться препятствием, но даже может служить немаловажным подспорьем!

Ответом на заданную тему были следующие ниже сочинения. Они печатаются здесь как с подстрочными замечаниями, сделанными Сапиентовым на полях, так и с общими замечаниями, сделанными им же в конце каждого упражнения.

І. ДОБРЫЙ СЛУЖАКА

Из моих воспоминаний

*(Сочинение 13-летнего Гриши
Младо-Сморчковского)*

Не в весьма давнем времени, однако и не меньше тринадцати лет назад, от благородных родителей произошел на свет молодой человек, получивший впоследствии столь громкую известность¹ под именем Гриши Младо-Сморчковского-первого.

Отец Гриши, действительный статский советник и кавалер Иван Григорьевич Младо-Сморчковский, был в то время -ским губернатором и отличался строгостью и скоро-стью; мать Гриши, рожденная княжна Пустодомова, славилась красотою, любезными нравами и еще тем, что в совершенстве знала, какой уезд какими произведениями изобилует. Сочетание сих качеств изумительным образом отрази-

¹ Не слишком ли самонадеянно сказано о громкой-то известности? И почему «под именем», когда Младо-Сморчковский не псевдоним, а действительная фамилия? *Сапиентов*.

лось в Грише. Он был строг, быстр, но в то же время не чуждался и хозяйственных соображений².

К сожалению, Гриша совершенно не помнит обстоятельств своего рождения. Должно полагать, что и он не избежал общего горького закона природы, то есть родился наг, беспомощен и некоторое время не мог даже ходить. Помнит, однако, что первый предмет, который обратил его внимание и к которому инстинктивно потянулись его ручки, был «Журнал министерства внутренних дел», издававшийся тогда под редакцией г. Варадинова³.

Заметив в Грише такую особливую склонность к правительственным распоряжениям, родители его не замедлили всячески оную в нем поддерживать и развивать. В шестилетнем возрасте он случайно достал из губернского правления довольно пространный сенатский указ и втайне изучал его; а семи лет, ко дню ангела своего родителя, он уже сочинил рапорт «о том, зачем по присланному из сената указу исполнения учинить невозможно». С тех пор чтение начальственных предписаний сделалось любимейшею его забавой.

Так жил Младо-Сморчковский, возбуждая зависть в старых советниках губернского правления и будучи предметом удивления для поседелого в боях вице-губернатора. Впрочем, отдавшись душою гражданским доблестям, си не прене-

² Не знаю, в какой степени можно сказать сие о младенце, едва родившемся. *Can.*

³ Автор предваряет события. *Can.*

бегал и воинскими упражнениями, которые впоследствии тоже принесли ему много пользы. Так, например, к восьми годам он уже знал все построения, какие необходимы для действия против обывателя⁴.

Вообще день этого молодого человека был распределен так: в 6 часов утра пробуждение и умывание холодной водою à la Suwaroff; непосредственно вслед за тем одевание (солдатские брюки и солдатская же грубого сукна шинель) и пение «ура!» [3] – до тех пор, покуда не пробьет семь часов. В семь часов кружка сбитня и кусок черного хлеба. После того, до двенадцати часов, телесные упражнения, ружейные приемы, учение одиночное, однорядное, двурядное и проч. Начальные понятия об атаке. В двенадцать часов молодой человек, возвратившись в свою комнату, подобно всем господам военным, говорил: «ух, устал, как собака!» – и позволял себе полчасика вздремнуть, сидя на стуле и облокотясь головой на правую руку. В час обед, состоявший из солдатских щей с солониной (иногда даже не совсем свежую) и крутой каши. После обеда, вместо рекреации, – пение «ура!»; затем: ружейные приемы, езда марш маршем и «сабли наголо!», при чем всегда присутствовало несколько сверстников, которые представляли внутренних врагов, то есть обывателей⁵. С двух до шести чтение указов и писание рапортов,

⁴ Дай бог, но сомнительно. *Can.*

⁵ Непонятно, почему обыватель везде именуется внутренним врагом? Можно назвать врагом: недоимщика, вольнодумца, распространителя вредных и опас-

большую частью «с действительным исполнением», ибо даже в юных летах Младо-Сморчковский-второй никаких препятствий в деле исполнительности выносить не мог. В шесть часов вновь кружка сбитня и затем, до девяти часов, практические упражнения на тему: «кто хочет начальствовать, тот прежде сам должен научиться повиноваться», В этих видах Младо-Сморчковский-второй предлагал кому-нибудь из сверстников, ниже его рангом, что-либо ему приказать и исполнял то приказание слепо; потом, в свою очередь, сам приказывал – и горе тому, кто позволил бы себе хотя на одну черту уклониться от исполнения приказанного. В девять часов утомление и сон...

Такой образ жизни не только укрепил Младо-Сморчковского физически, но и уму его сообщил замечательную прозорливость. Так, будучи девяти лет от роду, он уже начинает замечать некоторые недостатки в управлении своего родителя. Есть скорость, но нет стремительности; есть строгость, но нет непреклонности⁶. Младо-Сморчковский-первый все еще

ных слухов, разглашателя канцелярской тайны – все сии лица мешают свободно-му административному бегу – но обыватели вообще... отнюдь! Обыватель скорее друг администрации, нежели враг ее. Он платит подати, возит чиновников на обывательских, то есть без прогонов, топит печки в земских судах и городских правлениях, за что пользуется титулом сельского заседателя или ратмана. Вот подлинные занятия обывателя – что же в них враждебного? За всем тем нельзя не сознаться, что и в замечании Младо-Сморчковского-второго есть мысль довольно справедливая. Но оную надлежало развить гораздо подробнее.

Can.

⁶ А со стороны Младо-Сморчковского-второго есть строптивость. *Can.*

как бы оглядывался по сторонам, и хотя нередко говаривал, что рассуждать не следует, однако, по слабости своей, рассуждал⁷. Напротив того, Младо-Сморчковский-второй сразу решил в сердце своем: не рассуждать!⁸ и сообразно с сим начертал план будущей атаки. Когда он взирал, как копается чиновник особых поручений Степнухин, как разводит на бобах правитель канцелярии Подоплеков и как родитель его, вместо того чтобы броситься в атаку и стремительным натиском смять врага, мямлил, отправляя дела в губернское правление для обсуждения... то сердце его обливалось кровью!⁹ И вот, по поводу этого-то мямления произошли первоначальные пререкания между Младо-Сморчковскими – первым и вторым.

Дело началось с почтительных представлений Младо-Сморчковского-второго. Получена была из Петербурга бумага, содержание которой сразу пленило сердце Гриши. Подлинно рассказать это содержание невозможно, но достоверно, что в ней, с одной стороны, нечто принималось в соображение, с другой стороны, нечто не упускалось из вида, и в то же время нечто рекомендовалось особенному внима-

⁷ Не по слабости, а по прирожденной наклонности к умствованию. Наклонность сия, хотя и ведет нередко человека к гибели, однако совершенно преодолеть он ее не может. Впрочем, если это и слабость, то она уже потому извинительна, что без помощи ее мы не знали бы, что человек смертен. *Can.*

⁸ А сам рассуждает! *Can.*

⁹ За таковые мысли следует автору изрядно намылить голову. *Can.*

нию. В заключение – смерть врагам!¹⁰

Как уже сказано выше, пламенный юноша Младо-Сморчковский-второй был совершенно очарован плавным и текучим слогом этой бумаги. Он с восторгом повторял затверженные из нее фразы, так что было время, когда родительский его дом ничем другим не оглашался, кроме: «с одной стороны», «с другой стороны», «но в то же время» и т. д. Напротив того, Младо-Сморчковский-первый смотрел на это дело иначе и даже прямо называл новый административный слог развратным¹¹.

Однажды, в седьмом часу вечера, когда Младо-Сморчковский-второй, по обыкновению, принес на просмотр к отцу только что сочиненное им примерное предписание по делу «о новоявленном в некоторой местности буйственном духе», то Младо-Сморчковский-первый, вместо того чтобы похвалить, как это всегда прежде бывало, сказал;

– Эге, любезный! да, кажется, и ты этой развратной галиматье подражать начинаешь!¹²

Младо-Сморчковский-второй смолчал, но, поняв всю силу нанесенного оскорбления, вспыхнул.

– Ну, скажи на милость, – продолжал Младо-Сморчков-

¹⁰ Любопытно было бы сию бумагу прочитать, коли она не вымысел авторской фантазии. *См.*

¹¹ Не может быть. Не согласно с твердыми правилами Младо-Сморчковского-первого называть бумагу, писанную на бланке, развратною. *См.*

¹² Неправда. *См.*

ский-первый, — разве это не галиматья: «с одной стороны, принимая во внимание обычную в сем звании нераскаянность, с другой стороны, не упуская из вида, что строгость всегда спасительна, я в то же время считаю не лишним рекомендовать вашему благородию, что вы в значительной степени можете улучшить вредное направление умов, если своевременно, незамедлительно и даже нерассудительно скомандуете: в атаку!» Ведь таким манером ты, глупенький, весь народ перебьешь!

— Если он этого достоин, то перебью! — твердо отвечал Младо-Сморчковский-второй.

— С кем же ты после останешься? Ах, глупенький ты, глупенький мальчик!

Как ни сдерживал себя Младо-Сморчковский-второй, но уста его невольно прошептали: старый колпак!¹³

Тогда началось исправление, предпринятое, как впоследствии дознано, по методе г. Миллера-Красовского¹⁴. Пощечины следовали одна за другою [4] с такою неожиданностью, что Младо-Сморчковский-второй не мог даже ничего придумать, дабы отвратить от себя сие бедствие... Но в это время в голове его уже созрел план.

План этот заключался в том, чтобы во что бы то ни стало самому сделаться градоначальником... а быть может, и ми-

¹³ Нехорошо. Дурно. *Can.*

¹⁴ Но какую же иную методу предпринять? Каков проступок, такова и метода. *Can.*

нистром!

С этой целью он решил: во-первых, покинуть отчий дом; во-вторых, объявиться начальству и откровенно изъяснить ему свои виды и предположения и, в-третьих, заявить решительное намерение не выпускать бразды из рук, покуда хоть один враг останется налицо.

Путешествие предстояло опасное и продолжительное, но Младо-Сморчковский-второй и не скрывал от себя трудностей своего предприятия. Он несколько дней сряду откладывал от своей скудной порции по куску хлеба, высушивал эти куски в печке и, когда сухарей накопилось достаточно, пустился в путь.

В глухую полночь он навсегда покинул теплую постель, чтобы отныне исключительно отдаться административным приключениям!

Он не будет описывать здесь красоты природы, которых, впрочем, было очень достаточно: он не изобразит величественный восход солнца или не менее величественный закат его; он не представит картину бури, в своем разрушительном беге вырывающей с корнями столетние дубы... Все эти предметы были в то время чужды его душе, исключительно поглощенной административными заботами.

Несколько дней скрывался он на городском выгоне в заброшенном кирпичном сарае, питаясь черствыми и заплесневелыми сухарями, утоляя жажду дождевой водой и тая в груди свой замысел. Наконец, опасность погони миновалась,

страхи рассеялись, и Младо-Сморчковский-второй с трудом выполз из своего убежища. Казалось, вожаемая цель была близка...

Но провидению угодно было на сей раз отдалить ее. Прежде нежели привести в исполнение обширный свой план, Младо-Сморчковский-второй должен был сделаться атаманом шайки разбойников¹⁵.

Мало кому известно, сколь разнообразны и тяжелы обязанности атамана разбойников. Вставать с зарею, питаться сырыми произведениями природы, скрываться в лесах и пещерах и в то же время нести на своих плечах все бремя хозяйственных распоряжений по содержанию и продовольствию шайки, целый день быть свидетелем пролития человеческой крови, обладать несметными сокровищами и очень часто не знать, какое сделать из них употребление, — такая нужна железная сила духа, чтоб вынести подобное существование! Однако Младо-Сморчковский-второй и эту трудную школу выдержал с честью!

Поступив в разбойники и предвидя, что ему придется совершать поступки, которые могут огорчить его родителей¹⁶, он принял фамилию Туманова. В первый же день он собственными руками зарезал мать многочисленного семей-

¹⁵ Нельзя сказать, чтобы автор имел недостаток в фантазии; но направление ее не столько полезно, сколько вредно. Посмотрим, что-то покажет нам дальше сей, кажется, слишком предприимчивый Младо-Сморчковский-второй? *Can.*

¹⁶ Вот первый признак раскаянья! дай-то бог, чтоб он принес вожаемые плоды! *Can.*

ства, а ребенку ее раздробил об камень голову¹⁷. На другой день он, под видом отставного солдата, идущего на родину¹⁸, забрался в убогую хижину гостеприимного селянина и ночью, когда все его семейные улеглись спать, Туманов иным отрубил головы, а иных задушил и, забрав значительную сумму золотом и бумажками, возвратился в разбойничий лагерь. Мужество и проворство¹⁹, которые он при этом выказал, доставили ему такую популярность между разбойниками, что вскоре все окрестные леса огласились именем неустрашимого атамана Туманова.

Так проводил свои дни, в непрерывных занятиях, славный атаман разбойников Туманов.

Он уже имел намерение, подобно знаменитому своему предместнику, Ермаку Тимофеевичу, отправиться в какую ни на есть отдаленную страну, с тем чтобы покорить ее оружию России, но не успел еще определить, в каком месте находится упомянутая страна, как фортуна совершенно неожиданно изменила ему. Это случилось именно в то время, когда он разбойничал в знаменитых Муромских лесах.

В разбойничьем таборе сделалось достоверно известно, что через лес должно было проезжать с ревизии некото-

¹⁷ Увы! таковых (то есть плодов) не оказывается. *Can.*

¹⁸ Автор забывает, что солдат, дабы получить отставку, должен прослужить двадцать пять лет. Какой же он мог иметь «вид отставного солдата», когда ему от роду было не более осьми лет? *Can.*

¹⁹ Не мужество и проворство, а зверство и пагубная поспешность проливать кровь. *Can.*

рое значительное лицо, обремененное добычею. Разбойники ждали с нетерпением и, разумеется, все свои надежды возлагали преимущественно на Туманова. И действительно, в девять часов пополудни показалась вдали колымага, которую через силу тащила шестерня исправных лошадей: до такой степени она была нагружена сокровищами. Туманов, с несколькими молодцами, засел в канаву и стал выжидать.

Окружить карету, взять лошадей под уздцы, связать руки кучерам и лакеям – все это было делом одной минуты. Но каково было удивление Туманова, когда, отворив дверцы кареты, он увидел там Младо-Сморчковского-первого и жену его! Разумеется, его тоже сейчас же узнали и хотели высечь... Но он, чтоб отвратить от себя сей позор, рассказал ужасную повесть своих злодеяний.

При этом рассказе волосы стали дыбом на убеленной сединой голове Младо-Сморчковского-первого и слезы, оросив глаза, обильными ручьями потекли по высокому челу его²⁰.

– Так ты тот самый Туманов, который навел столь великий ужас на сердца обывателей? – спросил он, когда рассказ был кончен.

– Да; я Туманов.

– В таком случае ты должен забыть, что ты мой сын; я же с своей стороны сделаю распоряжение об отдаче тебя в руки

²⁰ Красота слога не должна вредить естественности. Как реки не могут течь вспять, так и слезы не могут катиться снизу вверх. *Can.*

правосудия! Взять этого опасного разбойника!

И вот Туманов, под прикрытием своей новой фамилии, был привезен в соседний город и сдан в острог.

Но он знал, что это не больше как испытание и что впереди его все-таки ожидает блестящая будущность²¹. Поэтому он стал всемерно помышлять о том, чтобы избежать наказания за свои проказы²², совершенно основательно рассуждая, что если он будет бит кнутом, да еще с наложением клейм, то вряд ли тогда приведется ему получить какое-либо место по административной части. С этой целью он начал ежечасно льстить смотрителю острога²³, а между своими товарищами-арестантами в скором времени получил такой авторитет, что, казалось, не было жертвы, которую они не согласились бы ему принести.

Между разнообразными дарованиями, которыми обладал Туманов, одно было в особенности поразительно. Это – проворство, с которым он производил всякого рода фокусы, и та особливая способность к гимнастическим упражнениям, которую он выказывал еще в нежном возрасте детства. Например: он свободно ходил на руках, мог продолжительное время стоять на голове, не встречая при этом препят-

²¹ Любопытно было бы объяснить, на каких похвалы достойных поступках было основано сие предвидение? *Can.*

²² Изрядные проказы. *Can.*

²³ Ужели же, наконец, и лесть и все прочие пороки ада свили себе гнездо в сей невинной душе? Страшно подумать! *Can.*

ствия к принятию пищи и питья; эскамотировал полуимпериалы и взамен их предлагал медную монету; глотал шпаги и, наконец, изобрел неистощимую мужицкую спину (впоследствии фокусники, в подражание ему, устроили так называемую «неистощимую бутылку»). Одним словом, делал все, что доброму и прилежному фокуснику делать надлежит²⁴

²⁴ И что не надлежит делать сыну действительного статского советника. *См.*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.